

НАЗВАНИЯ ОДЕЖДЫ КАК СРЕДСТВО ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОГО КОДИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Л. В. Дубина

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
dubina.ludmila@yandex.ru

Шухань Дун

Международная логистическая компания «Байкал», Гуаньчжоу, Китай
1970994393@qq.com

Изучение вестиментарного кода в контексте задач межкультурного обучения требует синтеза лингвистического и семиотического подходов к его описанию. В статье культурный код одежды рассматривается как сложная система, включающая невербальный и вербальный компоненты. В основу представленной модели положена теория коннотативной семиотики Л. Ельмслева, однако она дополняется современными исследованиями в области концептологии, так как именно на уровне концептуальной картины мира происходит переключение кодов. Предмет исследования и теоретические предпосылки делают необходимым также обращение к «Системе моды» Р. Барта, которая подвергается критическому осмыслению.

Проводится последовательный анализ предметного кода одежды (в терминологии Барта – «реальный код»), концептуализации как промежуточного этапа освоения реального кода языком и словесного кода как способа передачи концептуальной информации. Отмечается, что основное содержание реального вестиментарного кода связано с характеристикой человека, а не самой одежды. Выделены разные типы знаков реального кода, отмечена возможность варьирования и развития значений.

Значение концептуальной составляющей выявляется на основе сопоставительного анализа русских и китайских названий одежды и стоящих за ними понятий. Различия в способах осмысления предметных реалий выражаются в несовпадении знаков реального и словесного кодов, наличии безэквивалентных единиц и лакун, а также в неполной эквивалентности, причём различия семантики возможны не только на уровне коннотаций, но и на уровне понятийного ядра. В качестве примера национально-культурной специфики вестиментарного кода рассмотрены различия в гендерной специализации названий одежды: в русском языке компонент «мужская» или «женская» является важной частью семантики, но обычно не имеет соответствий в плане выражения языкового знака; в китайском языке названия одежды либо прямо включают определитель «мужской», «женский», либо гендерно нейтральны.

Исследуются механизмы выражения реального кода знаками языка как на уровне слова, так и на уровне синтаксических структур. Описано

три типа конструкций, которые позволяют реализовать отношение *предмет одежды – человек*: предикативное описание, непредикативное описание и метонимический перенос. Наиболее перспективной в плане изучения представляется вторая – синтаксический оборот «человек / люди в ...». Данная конструкция может быть использована для комплексного представления вестиментарного кода в рамках обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: коннотативная семиотика, названия одежды, вестиментарный код, реальный код, словесный код, коннотация, концепт, русский язык, китайский язык, преподавание языков

CLOTHING NAMES AS A MEANS OF LINGUO-SEMIOTIC CODING OF CONCEPTUAL INFORMATION

Lyudmila V. Dubina

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
dubina.ludmila@yandex.ru

Shuhan Dong

Guangzhou Baikal International Logistics Group Co., Guangzhou, China
1970994393@qq.com

Modern intercultural education involves integrating language and culture in the educational process. For this purpose, it is necessary to develop descriptive models of the cultural code, which would include a verbal and non-verbal component. The idea of connotative semiotics by L. Hjelmslev can serve as the basis for such a model. Names of clothes and clothes themselves as a social and cultural code – how are they related? This is the question we are trying to answer. R. Barthes made a similar attempt in *The System of Fashion*, but in his concept, clothes are only an expression of fashion as a quasi-value of bourgeois society. We partially use Barthes' terminology, but we explore the code of clothes without imposed connotations. The "real" clothing code is a visual code, where clothing itself is a sign. However, an object cannot signify itself, so the content of the sign in this case is different from clothing. But this is not the entire outside world, as Barthes claims. We believe that clothing as a sign defines a person, and all other meanings derive from this. Clothing can indicate a social status, a role, personal qualities, group membership, and express any of these meanings as an abstract idea. According to Saussure's theory, the signifier of a word is an acoustic image, while the signified is a mental representation of an object or concept. The content of a linguistic sign is not identical to the object itself, and the concept serves as a necessary link. The importance of a concept is not obvious to a native speaker, who sees a direct connection between a

word and a thing, but it becomes noticeable when languages are compared. Differences in the ways of understanding objective realities are expressed in the discrepancy between the signs of the real and verbal codes, the presence of non-equivalent units and lacunae, as well as in incomplete equivalence, and semantic differences are possible not only in connotations, but also in the conceptual core. When comparing Russian and Chinese, we find that Russian names for clothing define it as either male or female, but this meaning is not reflected in the structure of the word. In Chinese, the name of a piece of clothing either contains the corresponding marker or is gender-neutral. The meaning of a clothing name can refer either to the item of clothing or to its cultural significance, in the latter case, a connotation arises. However, the meaning of a word is only revealed in context. The minimum context that can reveal both sides of a “real” sign in a language is a syntactic construction that describes a person based on their clothing. There are three types of such constructions in Russian: predicative description, non-predicative description, and metonymy. The second option, “человек/люди в...”, appears to be the most promising in terms of study. This construction can be used to comprehensively represent the clothing code (including both non-verbal and verbal components) in the context of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: cconnotative semiotics, clothing names, vestimentary code, real code, verbal code, connotation, concept, Russian, Chinese, language teaching

DOI 10.23951/2312-7899-2025-4-58-78

Введение

Более ста лет назад была опубликована книга, послужившая фундаментом двух наук – структурной лингвистики и семиологии (семиотики), определив как их тесную связь, так и последующее расхождение. Труд Фердинанда де Соссюра был в первую очередь о лингвистике, семиология лишь обозначалась как возможность, как гипотетическая наука, способная «открыть нам, из чего состоят знаки и какими законами они управляются» [Saussure 1971, 33]. Но, анонсировав семиологию как науку будущего и указав, что лингвистика должна стать лишь частью этой общей науки, Соссюр сразу же призвал сосредоточиться на том, что составляет специфику языка как системы, и отделить объект языкознания от всего «внешнего».

Такое ограничение объекта лингвистики с самого начала было искусственным, что вполне осознавали ранние структуралисты.

¹ Учение Ч. Пирса о знаках было создано раньше, но получило широкую известность только к середине XX века.

Как писал Л. Ельмслев, доказывая необходимость этого ограничения, «...невнимание к языку вызывается самой природой языка, который в первую очередь является средством познания, а не его целью. Только искусственно можно направить луч света на само средство познания» [Ельмслев 2006, 31]. И, как мы видим на примере теории самого Ельмслева, границы «внутренней лингвистики» были слишком тесными, чтобы вместить в них все значение языка. Заключительная часть «Прологоменов к теории языка» – это рассуждение о взаимодействии знаковых систем, о коннотации и метасемиотике.

Было бы упрощением назвать предметом лингвистики естественный язык, а предметом семиотики – невербальные знаковые системы. Скорее, можно сказать, что семиотика продолжила рассмотрение тех общих проблем знаковых систем, которые структурная лингвистика вывела за скобки. Но на практике лингвистика и семиотика часто противопоставляются по предмету, а не по задачам, что особенно заметно в последние десятилетия, когда структурная парадигма лингвистики сменилась антропоцентрической, а «внутренняя» лингвистика уступила позиции «внешней».

Для того чтобы заложить основы, требовалось разделение; для того чтобы двигаться дальше, требуется синтез. Этот поиск нового синтеза – наиболее заметная черта современных гуманитарных исследований, которая проявляется в междисциплинарности, развитии комплексных дисциплин, таких как лингвокультурология, теория межкультурной коммуникации или теория дискурса. О необходимости консолидации исследований в семиотике, «которая требует усиления взаимодействия с другими дисциплинами», рассуждает Амир Биглари из университета Сорбонны, отвечая на вопросы редакции журнала «Труды по знаковым системам» [Kull, Velmezova 2024, 548].

Однако синтез не достигается простым расширением предмета исследования или сложением методов. Особенно наглядно это видно на примере прикладных наук, таких как лингводидактика и методика обучения иностранным языкам. Здесь обучение языку понимается как обучение коммуникации на этом языке, а с начала XXI века – *межкультурной коммуникации*. Культура, как материальная, так и духовная, становится таким же предметом изучения, как и язык, но для успешного освоения культуры недостаточно просто рассказать о ней. Во-первых, такое объяснение будет слишком сложным для ранних этапов обучения и запоздалым для продвинутого. Во-вторых, даже доступное объяснение останется просто

интересной информацией. В-третьих, коммуникация – процесс двусторонний. Пытаясь прояснить культурные особенности и различия, мы нередко обнаруживаем недостаточность собственной рефлексии. Увидит ли носитель русского языка какой-то особый культурный смысл в словосочетании «верхняя одежда»? Очевидно, нет. По крайней мере мы ни разу не встретили каких-либо комментариев по этому поводу. Но при переводе на английский мы получим *outerwear*, при переводе на китайский – 外衣. И то и другое соответствует по общему смыслу, но по внутренней форме слова это «внешняя одежда». Наличие перевода порождает иллюзию эквивалентности, которая маскирует глубинное различие как минимум в языковой картине мира, а возможно, и в пространственном мышлении.

Для выявления таких различий недостаточно просто сопоставительного анализа, необходим двойной взгляд с точки зрения носителей разных языков. С другой стороны, необходимо понимание того, как действительность преломляется в сознании и отражается в языке, чтобы выработать эффективную методику обучения.

Цель данной работы – изучить способы и средства отражения в языке концептуальной информации, связанной с одеждой, для дальнейшего применения результатов в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ).

Методы и материалы

Методологической основой исследования послужила теория многоуровневой семиотики Л. Ельмслева, а также труды по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии (Н. Ф. Алефиренко, В. А. Маслова, И. А. Стернин, В. Н. Телия). При анализе материала использовались метод научного описания, сопоставительный метод, метод компонентного анализа.

Материалом для анализа стали русские и китайские названия одежды, сопутствующая лексика, речевые структуры, связанные с описанием одежды. Источником материала послужили как словари, так и непосредственное наблюдение. Для исследования речевых структур и контекстуального анализа привлекались материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Результаты

Названия одежды представляют интерес для изучения по ряду причин. Во-первых, это слова, играющие важную роль как в по-

вседневной коммуникации, так и в «высоких» сферах, например в художественной литературе. Во-вторых, одежда сама по себе может выступать как культурный код. Наконец, значение одежды и значение названий одежды взаимосвязаны, хотя и не одинаковы. Таким образом, мы можем рассматривать двойную систему *названия одежды / одежда* как пример коннотативной семиотики, по Ельмслеву.

Модель такой системы была представлена Р. Бартом в «Системе моды», но не все его положения кажутся нам убедительными. Прежде всего мы считаем необходимым уделить большее внимание реальному коду, так как именно он является *означаемым* коннотативной семиотики и источником собственно коннотации. Основная идея состоит в том, что одежда служит для обозначения социальных и, в меньшей степени, индивидуальных характеристик человека, который её носит, и все прочие значения одежды как визуального знака являются производными от этого.

Далее мы рассматриваем концептуализацию как необходимое условие перехода от невербального кода к вербальному. Этот этап малозаметен внутри одного языка и культуры, но становится очевидным при сопоставлении языков, когда обнаруживаются различия не только в лексике, но и в системе понятий. Названия появляются как результат выделения, категоризации, интерпретации и оценки явлений и предметов внешнего мира, и на каждом из этих этапов может проявиться национально-культурная специфика. В частности, исследование семантических категорий названий одежды показывает наличие у данной группы слов в русском языке гендерных коннотаций, нехарактерных для китайского.

Возможности слова передавать культурные коннотации ограничены, поэтому полноценная отсылка к реальному коду возможна только на уровне синтаксических структур. Наиболее продуктивной в русском языке является непредикативная описательная конструкция «человек / люди в ...», которая включает обе стороны вестиментарного знака и тем самым позволяет раскрыть его смысл в рамках словесного кода. Подобные структуры просты, достаточно универсальны, дают возможность описания не только традиционного, но и актуального вестиментарного кода, и потому могут стать ключом к синтезу языка и культуры в рамках обучения РКИ.

Обсуждение

В финале своей работы «Прологомены к теории языка» Л. Ельмслев описывает ситуацию, когда либо план выражения, либо план

содержания знаковой системы сам является знаковой системой (семиотикой). Такую систему он называет коннотативной и наряду с этим вводит понятие метасемиотики, которая является инструментом анализа и языком описания коннотативной семиотики и которая направлена на исследование всей иерархии знаковых систем. «Совершенно очевидно, что можно и необходимо к коннотативной семиотике добавить метасемиотику, продолжающую анализ конечных объектов коннотативной семиотики» [Ельмслев 2006, 144]. И далее автор прямо указывает, что задачи метасемиотики включают анализ «географических и исторических, политических и социальных, сакральных, психологических материалов содержания», в том числе связанных с нацией, личностью и т.д. [Ельмслев 2006, 144].

Идеи Ельмслева вдохновили Р. Барта на создание «Системы моды», где была предложена модель коннотативной семиотики на материале описаний одежды. В этой работе он ввёл термин «вестиментарный код» и разграничил несколько уровней этого кода. Однако семиотическая модель Барта целиком и полностью определялась избранной точкой зрения: он шёл от облигаторной коннотации моды к языку и вещи. Поэтому настоящим объектом исследования в «Системе моды» являлась мода, а не одежда. Эта книга оказалась настолько ярким событием, что и сейчас вестиментарный код зачастую отождествляется с модой и стилем, но мы полагаем, что круг значений одежды намного шире. Поэтому, выстраивая свою версию взаимодействия знаковых систем, мы берём за точку отсчёта невербальный (визуальный) код одежды, или, в терминологии Барта, *реальный код*.

Для реального вестиментарного кода означаемым будет сама одежда как материальный предмет, а также её внешние признаки: цвет, покрой, материал, декоративные элементы, общее качество и состояние. Означаемое Барт определяет максимально широко: «С одной стороны – формы, материалы, цвета, с другой – ситуации, занятия, состояния, настроения; или, ещё проще, с одной стороны одежда, с другой – внешний мир» [Барт 2003, 55]. Но мы не можем принять такое обобщение. Для семиологии Соссюра и Ельмслева важно различие между субстанцией и формой. Внешний мир можно рассматривать как содержание-субстанцию, но означаемое как содержание-форма становится таковым только в тот момент, когда соединяется со своим означаемым и тем самым выделяется и противопоставляется другим фрагментам плана содержания. Следовательно, означаемым реального кода будет совокупность конкретных значений одежды, «связанных с имущественными, ре-

циональными, социальными различиями, природно-климатическими условиями жизни и быта народа» [Калинина, Захарова 2025, 27].

Обратим внимание на то, что эти различия касаются людей и социальных групп, а не самой одежды. Одежда как знак существует не сама по себе, она существует по отношению к человеку. Конечно, то же самое можно сказать о любом предмете материальной культуры. Пища, мебель или здания тоже не существуют сами по себе – они создаются человеком, и если имеют какой-то смысл, помимо практического, то этот смысл вкладывается в них человеком и обществом. Но в случае с одеждой человек выступает не только как субъект, но и как объект семиозиса. Одежда – часть внешнего облика, которая не связана непосредственно с телом и потому может быть легко изменена. Именно это позволяет одежде служить указанием на социальное положение или национальную принадлежность, пол или профессию. Мы можем оценить и саму одежду как *дорогую / дешёвую, красивую / некрасивую, удобную / неудобную*, но можно ли утверждать, что «красивое» или «дорогое» – это содержание знака «платье»? В той же степени, в какой определение «изящная фраза» отражает содержание этой самой фразы, платье в данном случае выступает как конечный объект оценивания с точки зрения субъективных критериев или в рамках другой семиотической системы (например, эстетического кода данной культуры или *системы моды*), но не в качестве носителя информации *per se*.

Одежда становится знаком не в тот момент, когда мы отмечаем, что она красивая или дорогая, а лишь тогда, когда устанавливаем отношение: «*Х носит дорогую одежду, следовательно, Х богат*» (или, абстрагируясь от конкретной ситуации: *дорогая одежда = богатство*). Данное суждение может оказаться не соответствующим действительности (например, *Х носит дорогую одежду, потому что хочет убедить всех, что он богат, хотя это не так*), однако это не отменяет главного тезиса: одежда как знак определяет человека, а не саму себя. Смешение культурных кодов – первая проблема на пути описания семиотики одежды.

Сложность изучения реального вестиментарного кода связана также с его подвижностью, которая проявляется в двух аспектах. Во-первых, социальные характеристики человека могут быть как статусными (то есть относительно постоянными), так и ролевыми. Мы узнаем делового человека по строгому костюму, спортсмена – по футболке и шортам (или другим деталям экипировки), охотника-рыболова – по плотной закрытой одежде и высоким сапогам, но что мешает бизнесмену или чиновнику заниматься спортом или

увлекаться охотой? Смена социальной роли обычно сопровождается сменой одежды, что диктуется не только правилами, но и здравым смыслом. Поэтому в категорию *означаемого* одежды входят не только люди, но и ситуации.

Второй аспект – историческая изменчивость и территориальное варьирование. Исторические изменения связаны как с появлением новых предметов одежды, так и с изменением их значения. Е. А. Кузнецова, исследуя историю «униформы» художника, отмечает, что «худи является продолжением традиции “бедного стиля” в творческой среде» [Кузнецова 2025, 96]. Теперь это такая же черта художника, как ранее блуза или грубая рубашка. Подобные изменения можно наблюдать и в любой другой униформе – с кавычками или без. Изменение плана выражения знака при сохранении содержания позволяет говорить о существовании устойчивых социальных концептов, или, скорее, архетипов, связанных с одеждой. Это могут быть как архетипичные социальные роли (*солдат, художник, бродяга, невеста*), так и архетипичные ситуации (*свадьба, праздник, поход*). Изменение плана содержания обычно связано со сменой функции. Так, рваная одежда первоначально указывала на крайнюю бедность человека, но в 1970-е годы в западных странах она становится знаком принадлежности к панк-культуре, а позже – просто частью молодёжной моды, без какого-либо протестного значения. Такую же эволюцию описывает Е. А. Кузнецова для худы, а Е. М. Мартынова – для джинсов [Мартынова 2019]. Вообще можно отметить определённую тенденцию развития значений (по аналогии с языком мы могли бы назвать её моделью переноса значения): *рабочая одежда или одежда социальных низов – символ контркультуры – повседневная одежда молодёжи*.

Территориальное варьирование связано в основном с традиционной культурой, которая складывалась в условиях относительной изоляции и неизменности быта, что позволяло вестиментарному коду закрепиться. Поэтому в научной литературе наибольшее внимание уделяется семиотике традиционного народного костюма. Одно из первых исследований на эту тему – классическая работа П. Г. Богатырева “*Funkcie kroja na Moravskom Slovensku*”, опубликованная в 1937 году; среди последних можно упомянуть цитированную выше статью М. В. Калининой и М. А. Захаровой об одежде донских казаков или исследование свадебной обрядовой одежды южнорусского села Е. Ю. Скачковой. Но следует отметить, что само значение традиционной одежды в эпоху глобализации тоже меняется. Народный костюм перестаёт быть частью бытовых практик и

сам становится символом, сакрализуется, причём, как верно отмечает Е. Ю. Скачкова, это происходит «на основе авторских интерпретаций <...> духовной культуры, часто имеющих мало общего с объективной исторической реальностью» [Скачкова 2023, 119].

Неустойчивость реального вестиментарного кода может вызвать сомнение в его значимости, если воспринимать её просто как помеху. Но мы склонны согласиться с Е. А. Мартыновой в том, что «именно склонность вестиментарных кодов к постоянным модификациям позволяет им служить индикаторами социальных изменений, придавая одежде статус социального знака или символа» [Мартынова 2019, 131].

Отдельно стоит остановиться на термине «символ». Чарльз Пирс относит к символам знаки, в которых связь означаемого и означающего устанавливается на основе конвенции. В обычном же словоупотреблении символами называют образные знаки, связанные с каким-либо абстрактным понятием или идеей. Например, «голубь – символ мира», «белый цвет – символ чистоты и невинности». Такое понимание символики очень сильно влияет на интерпретацию реального кода одежды, заставляя даже полностью игнорировать другие компоненты значения. Но с точки зрения семиотики *все* социальные знаки вестиментарного кода являются символами, так как правила ношения одежды – это конвенция. Воспринимаем ли мы белое платье как указание на то, что девушка в ситуации «свадьба» играет роль «невеста», или как указание на чистоту и невинность, – в обоих случаях это символический знак.

Существуют и знаки другого типа. Такие характеристики одежды, как материал, плотность и т.п., могут рассказать о климатических и природных особенностях региона и о занятиях людей, проживающих в нем, а в рамках конкретной ситуации сообщить, например, о времени года, погоде. Эти характеристики приобретают знаковую функцию только с точки зрения интерпретатора, они являются естественным следствием той ситуации, которую обозначают, и потому могут быть отнесены к знакам-индексам, по классификации Пирса.

Этот краткий обзор показывает, что реальный код одежды является полноценной знаковой системой, в которой можно выделить разные типы знаков и разные типы значений. Также следует отметить, что одежда как визуальный символ может целенаправленно использоваться в коммуникации для сообщения информации (как истинной, так и ложной), что делает актуальным изучение её роли в дискурсивных практиках.

Далее, следуя логике Ельмслева и Барта, мы предполагаем, что реальный код одежды соотносится со словесным кодом, при этом содержание реального кода на уровне языка проявляется как *коннотация*.

Термин «коннотация» в самом общем виде означает дополнительный или сопутствующий смысл, но имеет множество трактовок. В данном случае наиболее близким будет понятие культурной коннотации, которая определяется как «интерпретация денотативного или образно мотивированного аспектов значения языкового знака в категориях культуры» [Телия, Опарина 2011, 145].

Словесный вестиментарный код Р. Барт рассматривает в двух вариантах – как терминологическую систему и риторическую систему. Терминологическая система, или номенклатура, включает в себя языковые единицы, служащие для описания одежды. Единицей риторического кода является фраза – высказывание об одежде, в рамках которого, по мнению Барта, только и может быть реализована коннотация. Лингвист сказал бы, что первый код принадлежит языку, второй – речи.

Означающим для языкового знака является акустический образ, означаемым – представление о соответствующей реалии или понятие. При этом словесный знак не просто указывает на предмет, а находится с ним в сложных отношениях.

Например, носители русского языка обозначат словом «халат» три вида одежды: домашнюю, рабочую и этническую одежду восточных народов. В китайском языке каждой разновидности халата будет соответствовать своё название: 家居袍 (домашнее платье); 工作服 (рабочая одежда), а «халат» в третьем значении на проверку может оказаться 大褂 (dàguà¹), 汉服 (hànfú) или 长袍 (chángpáo), то есть обозначать разные виды традиционной одежды. Получается, что слово «халат» в каждом конкретном случае употребления может быть переведено на китайский язык, но в китайском языке, в отличие от русского, обозначаемые реалии будут объединены лишь на уровне общей категории «одежда».

Эти различия укладываются в Соссюровское понимание значимости (value) языкового знака, но Соссюр лишь констатировал, что разные языки по-разному членят план содержания, не вдаваясь в детали. Если же мы попытаемся объяснить это различие, то должны будем к двум элементам схемы добавить третью – *концепт*.

Понятие «концепт» восходит к размышлениям средневековых схоластов о связи имени и вещи через *идею*. В современной линг-

¹ Фонетическая запись вместо перевода приводится для безэквивалентных единиц.

вистике концепт рассматривается как «принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности» [Стернин 2016, 49]. По отношению к вещи концепт – это опыт её познания, по отношению к слову – содержание, которое требует выражения, при этом значение слова, как правило, отражает лишь часть содержания соответствующего концепта. Между единицами языка и мышления нет точного соответствия, так же как между единицами языка и элементами реального мира.

В лингвистике концепты обычно рассматриваются как устойчивые ментальные конструкторы, зафиксированные в виде набора языковых знаков и проявляющиеся «в семантике слова, в его внутренней форме, в семантике грамматических феноменов, в синтаксисе» [Маслова 2016, 79]. Н. Ф. Алефиренко, противопоставляя *концепт* и *логоэпистему*, отмечает, что «...нам вербализованные концепты, выступая в функции отражения культурно-обусловленных представлений человека о соответствующем объекте окружающего мира <...> даны как неизменные сущности» [Алефиренко 2014, 158]. И. А. Стернин предполагает, что не все концепты вербализованы, а наличие вербализации и её степень обусловлены коммуникативными потребностями.

Мы понимаем это так, что именно проявление в виде словесного кода делает концепт устойчивым. Сам опыт познания мира и его реалий не может быть неизменным и универсальным, но, закреплённый в форме знаков языка, он становится доступным для сохранения и передачи. Поэтому связь словесного и реального кодов – не односторонняя. Социальные и культурные концепты, связанные со статусом, профессией, социальной ролью, могут быть выражены при помощи невербального кода одежды, но возможность выделения и обсуждения этих концептов завязана на словесный код. Вот почему Р. Барт выбирает для изучения описание одежды, а не предмет или изображение. Но так как система *слово–концепт–предмет* неиерархическая и представляет собой, скорее, пересечение трех сфер: предметного мира, языка и мышления, то и результат «рефлексии о смысле» будет сильно зависеть от точки отсчёта.

Тем не менее именно концепт – необходимое связующее звено для объяснения взаимодействия реального и словесного кодов. Барт предлагает рассматривать терминологическую систему естественного языка как метаязык, где означаемое языкового кода (денотативная семантика) служит означающим для реального кода. Но семантика слова и даже фразы не всегда охватывает обе стороны реального знака. Сравним два примера.

1. «Я достал из внутреннего кармана шубы крохотный фотоаппарат и сделал несколько снимков» (Сергей Лапоников. Охота // Дальний Восток. 2019) [НКРЯ].

2. «Жена пилит: “Вот у Ирки муж на таможне, так у неё шуба”». (Александр Бармин. Трудюлюбы, дармоеды и кибернетика // Дальний Восток. 2019) [НКРЯ].

В первой фразе название представляет сам предмет одежды, его значение в культуре несущественно. Во втором примере шуба выступает как знак материального благосостояния, некая стереотипная женская мечта. Название одежды реализует коннотацию «богатство», «роскошь», которая является одним из значений реального знака, и в этом случае мы можем говорить о коннотативной семиотике, но не о метаязыке. Высвечивая ту или иную сторону реального знака, слово-название не объясняет знак в целом, является элементом, но не инструментом его описания.

Коннотация не является обязательной; наличие коннотации связано с выходом за пределы одного кода (например, языка); концепт объединяет все коды, в рамках которых данный предмет или понятие может выступать как означаемое или означающее, – вот несколько промежуточных выводов, которые мы можем сделать из анализа вестиментарного кода как коннотативной семиотики. Но в дополнение следует сказать, что концептуальная информация, представленная в слове, не ограничивается коннотацией. Понятийное (сигнификативное) значение также концептуально. Понятие связано с ядром концепта, коннотация – с его периферией, и границы между ними достаточно условны.

Вернёмся к примеру с халатом. В русском языке «халат» — это любая длиннополая одежда с запахом, изначально без застёжек, но в XX веке халатом стали называть и одежду с пуговицами по всей длине. Сам предмет был заимствован у тюркских народов, название имеет арабское происхождение и первоначально означало «парадное платье». В XVIII веке в связи с модой на восточные мотивы халат начинают использовать как домашнюю одежду представители высшего общества. Домашний халат ассоциируется с комфортом, удобством, неофициальной обстановкой, а также ленью и небрежностью. Его противопоставляют мундиру, как неформальную одежду формальной¹, отсюда «халатность» — небрежное отношение к порученному делу. В конце XIX века похожую одежду начинают использовать врачи для защиты основной одежды от загрязнений и соблюдения требований антисептики (халат из дешёвой ткани

¹ Вспомним историю о том, как Г. А. Потемкин в военном лагере встречал гостей в халате.

можно было часто менять и стирать). С той же целью рабочий халат вводится и на производстве. Признаками, которые связывают все эти предметы одежды, являются внешний вид (покрой) и, отчасти, удобство. Но эта связь существует только в сознании носителей русского языка, то есть на уровне концепта. В китайском языке на первом месте – функция (домашнее платье, рабочая одежда), поэтому обобщающее понятие, аналогичное русскому «халат», отсутствует.

Как отмечает И. А. Стернин, национальная специфика концептов может проявляться в различии одноименных концептов, а также в наличии эндемичных (свойственных только определенной культуре) и лакунарных (отсутствующих в данной культуре) концептов [Стернин 2016, 50].

В изучении лакун большую роль играет семантическая категоризация – выделение классов предметов и соответствующих понятий. По определению В. А. Масловой, «категоризация – это включение сущностей объективного мира в определенную рубрику» [Маслова 2019, 187].

Одежда может быть классифицирована по функции (*рабочая, спортивная, домашняя*), по регистру (*формальная, неформальная*), по социовозрастным признакам (*мужская, женская, детская*), по стилю, месту на теле, близости к телу и т.д. По большей части эти рубрики универсальны, так как выделяются на основе объективных факторов, таких как анатомия и физиология человека, общие принципы устройства общества. Различия связаны с большей или меньшей значимостью фактора и наполнением категории.

Одно из самых заметных различий между русским и китайским языками касается гендерной специфики названий. В китайском языке «наименования мужской и женской одежды отличаются тем, что перед существительным добавляется иероглиф, обозначающий мужской или женский род» [Ван 2012, 74]. В тех случаях, когда такое указание отсутствует, название используется как гендерно нейтральное (*短衫* – это и рубашка, и блузка)

В русском языке существует гендерная привязка названий одежды. Рубашка и пиджак – это преимущественно мужская одежда, а блузка и жакет – исключительно женская. Причём заметна асимметрия: «женский» словесный код одежды довольно жёсткий, а «мужской» – более мягкий. Возьмём для примера обувь. «Босоножки» могут быть только женскими, хотя мужчины тоже могут носить обувь с открытыми пяткой и носком, но мужской вариант называется «сандалии». Выражение «*мужчина в босоножках*» будет

воспринято носителями русского языка как «мужчина в женской обуви». Примером «мужского» названия в русском языке может служить «свитер». Проанализировав данные НКРЯ за последние десять лет (53 примера), мы обнаружили, что свитер 41 раз упоминается при описании мужчин и только 6 раз – при описании женщин (в остальных 6 случаях – безотносительно к полу), но все же выражение «*девушка в свитере*» воспринимается как вполне нормальное.

Если говорить о реальном коде одежды, то требования к мужчинам, напротив, более жёсткие. Женщины могут носить мужскую одежду, но не наоборот. Ношение женской одежды мужчиной в российской культуре оценивается однозначно негативно.

В китайской культуре ситуация иная. Например, персонаж классического романа Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» благородный юноша Цзя Баоюй любит носить женские украшения и обувь (туфли с пятицветной вышивкой), но это трактуется как отражение его изящества и утончённости, а не нарушение социальных норм. Любопытно, что в русском переводе все указания на «женский» характер аксессуаров сняты.

Трудность в том, что гендерный код одежды в русском языке очень слабо выражен на уровне означающего словесного знака. Всякому носителю русского языка понятно, что блузка – женская одежда, но непонятно, где искать этому объяснение. Ни внутренняя форма слова, ни его структура не указывают на это. Единственный и нерегулярный маркер – диминутивы. Названия с уменьшительными суффиксами, как правило, обозначают женскую и детскую одежду: «туфельки», «курточка», «шубка», «халатик», «трусики». В то же время диминутивы используются и в их основной функции – для указания на малый размер или субъективное отношение.

Помимо того, что категоризация помогает обнаружить национальную специфику концепта, она также способствует экономии словесного кода. Количество видов и названий одежды очень велико; если включить в список все разновидности, фасоны и бренды – огромно. Даже носители языка не всегда ориентируются в них, поэтому достаточно часто используют обобщённо-описательные конструкции: «военная форма», «спортивный костюм», «строгий костюм», «народный костюм». Такие номинации выдвигают социально-функциональное значение одежды на первый план, говорят о нем прямо, а не опосредованно.

Изучение культурных коннотаций названий одежды обычно проводится на материале метафор, идиом, фразеологизмов. Это

вовсе не означает, что код культуры не может проявляться в языке иным образом, но в образно-экспрессивных структурах он наиболее очевиден. Л. О. Чернейко и Жэнь Цзялу обращают внимание на то, что коннотации, закреплённые в идиомах, «могут базироваться как на реальных свойствах предметов культуры и ситуациях, в которые они вовлечены <...> так и на тех, что переосмыслены творческим сознанием носителей языка» [Чернейко, Жэнь 2023, 370]. Так, выражение «снять шляпу» означает «выразить уважение» и связано с аналогичным значением самого действия. А вот «снять последнюю рубашку» – это уже метафора щедрости, готовности прийти на помощь.

Исследование семантики фразеологических единиц и стоящих за ними прототипных ситуаций имеет большое значение для понимания культуры народа, но, как бы ни был интересен этот материал, есть две проблемы, которые ограничивают его полезность в контексте нашей задачи. Первая связана с тем, что идиомы слабо отражают современные реалии. Вторая – с тем, что средством кодирования концептуальной информации здесь является именно ситуация, а не название одежды. Так, например, «остаться без штанов» означает «потерять все, впасть в крайнюю нищету». Данная идиома репрезентирует концепт «бедность», но у самого слова «штаны» такой коннотации нет. Другой пример: выражение «шапками закидать» означает лёгкую победу, обычно используется для осуждения хвастовства. Здесь шапка – это просто мягкий и лёгкий предмет, максимально далёкий от оружия. Предмет становится частью ситуации, ситуация – частью образного ряда, и итоговое значение может оказаться весьма далёким от вестиментарного кода.

Более перспективным нам представляется изучение устойчивых синтаксических моделей, связанных с описанием одежды, а точнее, одетого человека. Так как значение одежды связано с характеристикой человека (мы говорили об этом выше), то именно такое описание будет наиболее простым способом перевода реального вестиментарного кода в словесный. Можно выделить три варианта языковых структур, выполняющих эту функцию в русском языке.

1. Предикативная описательная конструкция. Предложения вида «На нем / ней было (название одежды)», «Он был одет в (название одежды)» или номинативные предложения, соотносимые с образом персонажа в контексте.

На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени) [НКРЯ].

2. Непредикативная описательная конструкция: «Человек / люди в (название одежды)».

Внешне Гриша больше походил на уездного рок-музыканта в потёртых джинсах, растянутом свитере, с длинными белобрысыми волосами, собранными в чуть засалившийся хвост. (Михаил Елизаров. Библиотекарь) [НКРЯ].

3. Метонимический перенос «одежда–человек»

Ступенькой выше кожаная куртка говорит красному пальто: «... Ну, ты Таньку знаешь – у неё не один эс, а эсэс-бухгалтерия. (Михаил Бару. Записки понаехавшего) [НКРЯ].

Непредикативные конструкции наиболее распространены, в том числе и в разговорной речи. Они могут быть частью образного описания или оформлять высказывания сугубо информативного характера (обычная фраза в очереди: «За мной был мужчина в черной куртке», где описание одежды служит лишь идентификатором и не несёт никакого дополнительного смысла). Но даже в информативных высказываниях часто содержится указание на реальный вестиментарный код. Например, позиция «человек» может быть занята номинацией человека по полу и возрасту (*мужчина / мальчик / парень / дед / старик*; *женщина / девушка / девочка / бабушка / старуха*), названием профессии (*художник / повар / лётчик, рок-музыкант, священник*), соционимом (*интеллигент, бандит, деревенщина*), этнонимом (*узбек, бурят, японец*) и др. Таким образом, сама структура синтагмы соотносит название одежды и социальную характеристику её носителя.

Во множественном числе конструкция «люди в (название одежды)» используется для характеристики социальных групп и ситуаций. Некоторые обороты такого рода получили широкое распространение, функционируя фактически как идиомы. Например, выражение «люди в форме» в русском языке обозначает военных или милицию (полицию). Хотя слово «форма» входит в сочетания «школьная форма», «спортивная форма», но ни школьников, ни спортсменов по-русски «людьми в форме» не назовут. Данные НКРЯ подтверждают это наблюдение: все 49 примеров использования оборота касаются представителей силовых структур. Можно предположить, что слово «форма» в российском вестиментарном коде заменило некоторые позиции устаревшего слова «мундир».

Другое интересное выражение – «люди в штатском».

1 июля к воротам особняка «Менатена» в Колпачном переулке пошли люди в форме и штатском, потребовав открыть ворота и отрекомендовавшись охране сотрудниками ФСБ. (Валерий Ширяев. Операция «Заложник» // Новая газета. 09.01.2003) [НКРЯ].

Как видим, данный оборот обозначает вовсе не обычных граждан, а тех, кто принадлежит к силовым структурам, но не носит

форму – работников спецслужб. То есть значение его вторично по отношению к обороту «люди в форме» и определяется противопоставлением.

Что касается метонимии, то она может быть как следствием сокращения описательной конструкции: «люди в белых халатах» – «белые халаты», так и самостоятельной риторической фигурой. В последнем случае имеет место оттенок пренебрежения. Когда человека называют по предмету одежды, это как бы подчёркивает, что личность этого человека несущественна для говорящего. Метонимию надо отличать от метафоры, признаком которой является несводимость к описательной конструкции. Называя человека «шляпой», мы не имеем в виду, что он носит шляпу, а сравниваем со шляпой его самого. Метафорическое значение приобретают лишь некоторые названия одежды, мало связанные между собой, тогда как метонимия представляет собой регулярную модель описания, не слишком частотную, но вполне активную. Функционируя в языке, метонимические структуры могут получать коннотации, связанные уже не с выражением культурного значения реалии, а с закреплением их художественно-образной интерпретации (например, «пикейные жилеты» из романа И. Ильфа и Е. Петрова). Для понимания таких выражений знание реального кода не нужно или даже бесполезно. Это говорит о том, что словесный вестиментарный код не только служит метаязыком для описания реального кода, но и может функционировать независимо от него.

Заключение

Таким образом, вестиментарный код может быть представлен как сложная система, где словесный код (на уровне синтаксических моделей) выступает как означающее, а реальный код – как означаемое, при этом они находятся в отношении пересечения, а не наложения (то есть существует часть реального кода, не выраженная словами, и часть словесного кода, не сводимая к визуальному представлению и социальному значению реалии). Концептосфера выступает в качестве посредника.

Представленные синтаксические модели словесного вестиментарного кода могут быть применены в обучении межкультурной коммуникации для обеспечения комплексного подхода к изучению языка и культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алефиренко 2014 – Алефиренко Н. Ф. Логоэпистемы и знаки косвенно-производной номинации // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 8. С. 157–170
- Барт 2003 – Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры / пер. с фр. С. Зенкин. М.: Изд-во Сабашниковых, 2003.
- Ван 2012 – Ван Дань. Национально-культурная специфика лексико-семантической группы наименований одежды в рамках лингвокультурологического подхода к обучению РКИ китайских студентов // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3. С. 73–75.
- Ельмслев 2006 – Ельмслев Л. Прологомены к теории языка: пер. с англ. / сост. В. Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006.
- Калинина, Захарова 2025 – Калинина М. В., Захарова М. А. Семиотика одежды в языке и культуре донских казаков (шуба, головные уборы, пояс) // Искусство Культура Образование: современные тенденции. 2025. № 1 (5). С. 26–33.
- Кузнецова, 2025 – Кузнецова Е. А. Униформа художника: место худи в гардеробной системе креативного класса // Артикульт. 2025. № 1 (57). С. 90–102.
- Мартынова, 2019 – Мартынова Е. М. К вопросу об эволюции вестиментарных кодов // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 1 (32). С. 130–137.
- Маслова, 2016 – Маслова В. А. Духовный код позиции лингвокультурологии: единство духовного и светского // Метафизика. 2016. № 4 (22). С. 78–97.
- Маслова, 2019 – Маслова В. А. Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект // Русистика. 2019. Т. 17, № 2. С. 184–197.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
- Скачкова 2023 – Скачкова Е. Ю. Свадебная обрядовая одежда как феномен духовной культуры в южнорусском селе конца XIX – начала XX века: семиотический аспект // Вестник славянских культур. 2023. № 68. С. 118–134.
- Стернин, 2016 – Стернин И. А. Концепты и лакуны // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16, № 8. С. 49–52.
- Телия, Опарина 2011 – Телия В. Н., Опарина Е. О. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. 2011. № 1 (56). С. 145–148.
- Чернейко, Жэнь 2023 – Чернейко Л. О., Жэнь Цзялу. Коннотативные значения имён одежды во фразеологизмах в сопоставительном аспекте (на материале “Russian-English dictionary of idioms” под редакцией С. Лубенской) // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 367–370.
- Kull, Velmezova 2024 – Kull K., Velmezova E. Semiotics now // Sign Systems Studies. 2024. Vol. 52 (3-4). P. 543–593.

Saussure 1971 – *Saussure F. de. Cours de linguistique. Générale / Publié par Charles Bailly et Albert Séchechaye avec la collaboracion de Albert Riedlinger. Paris: Payot, 1971.*

REFERENCES

- Alefirenko, N. F. (2014). Logoehpidstemy i znaki kosvenno-proizvodnoy nominatsii [Logo-epistemes and signs of indirect-derived nomination]. *Chelyabinsk State Pedagogical University Bulletin*, 8, 157–170.
- Barthes, R. (2003). *Sistema mody: stat'i po semiotike kul'tury* [The fashion system] (S. Zenkin, Trans.). Izdatel'stvo Sabashnikovykh.
- Cherneyko, L. O., & Ren, J. (2023). Konnotativnye znacheniya imyon odezhdyy vo frazeologizmax v sopostavitel'nom aspekte (na materiale "Russian-English dictionary of idioms" pod redaktsiey S. Lubenskoy) [Connotative meanings of clothing names in phraseologisms in a comparative aspect (based on the "Russian-English Dictionary of Idioms" edited by S. Lubenskaya)]. *World of Science, Culture, Education*, 3(100), 367–370.
- de Saussure, F. (1971). *Cours de linguistique générale*. Payot.
- Hjelmslev, L. (2006). *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to a theory of language] (V. D. Mazo, Comp.). KomKniga.
- Kalinina, M. V., & Zakharova, M. A. (2025). Semiotika odezhdyy v yazyke i kul'ture donskikh kazakov (shuba, golovnye ubory, poyas) [The semiotics of clothing in the language and culture of the Don Cossacks (fur coat, headwear, belt)]. *Art, Culture, Education: Contemporary Trends*, 1(5), 26–33.
- Kull, K., & Velmezova, E. (2024). Semiotics now. *Sign Systems Studies*, 2(3–4), 543–593. <https://doi.org/10.12697/SSS.2024.52.3-4.17>
- Kuznetsova, E. A. (2025). Uniforma khudozhnika: mesto khudi v garderobnoy sisteme kreativnogo klassa [The artist's uniform: The place of the hoodie in the wardrobe system of the creative class]. *Artikult*, 1(57), 90–102.
- Martynova, E. M. (2019). K voprosu ob evolyucii vestimentarnykh kodov [On the evolution of vestimentary codes]. *Theory of Language and Intercultural Communication*, 1(32), 130–137.
- Maslova, V. A. (2016). Duhovnyy kod s pozicii lingvokul'turologii: edinstvo duhovnogo i svetskogo [The spiritual code from the standpoint of linguoculturology: The unity of the spiritual and the secular]. *Metaphysics*, 4(22), 78–97.
- Maslova, V. A. (2019). Rol' russkogo yazyka v konceptualizacii mira: lingvokul'turnyy aspekt [The role of the Russian language in the conceptualization of the world: A linguocultural aspect]. *Russian Language Studies*, 17(2), 184–197.
- National'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. (n.d.). Retrieved June 29, 2025, from <http://ruscorpora.ru>
- Skachkova, E. Yu. (2023). Svadebnaya obryadovaya odezhda kak fenomen duhovnoy kul'tury v yuzhnorusskom sele kontsa XIX – nachala XX veka: semioticheskiy aspekt [Wedding ceremonial clothing as a phenomenon of spiritual culture in the southern Russian village of the late XIX – early XX century: a semiotic aspect]

- of spiritual culture in a South Russian village of the late 19th – early 20th century: A semiotic aspect]. *Bulletin of Slavic Cultures*, 68, 118–134.
- Sternin, I. A. (2016). Kontsepty i lakuny [Concepts and lacunae]. *Bulletin of KRSU*, 16(8), 49–52.
- Teliya, V. N., & Oparina, E. O. (2011). Kul'turnaya konnotatsiya kak sposob voploshcheniya kul'tury v yazykovoy znak [Cultural connotation as a way of embodying culture in a linguistic sign]. *Culturology*, 1(56), 145–148.
- Wang, D. (2012). Nacional'no-kul'turnaya specifika leksiko-semanticheskoy gruppy nazvaniy odezhdy v ramkakh lingvokul'turologicheskogo podhoda k obucheniyu RKI kitayskih studentov [National and cultural specifics of the lexical-semantic group of clothing names within the linguocultural approach to teaching Russian as a foreign language to Chinese students]. *MNKO*, 3, 73–75.

Материал поступил в редакцию 03.08.2025